

Ввод на роль в спектакль, который уже давно в репертуаре театра, — это событие важное и ко многому обязывающее актера. Не каждому удается уловить ритм спектакля, его атмосферу, не нарушив актерского ансамбля, слаженность которого уже сформирована многочисленными представлениями. Для Алексея Борзунова, недавно выступившего в роли Хлестакова во мхатовском «Ревизоре», задача усложнялась еще и хрестоматийностью произведения Гоголя, и богатой сценической биографией роли. Борзунов сумел, не повторив своих предшественников, органично войти в спектакль.

«Ревизор» во МХАТе — веселый, комедийный спектакль, он не обличает, а остроумно высмеивает провинциальное чиновничество. Веселая ирония, избранная Борзуновым в изображении Хлестакова, полностью отвечает общему решению спектакля.

В манере держаться Хлестакова—Борзунова присутствует неуверенность и нерочность, свойственные человеку, только недавно познакомившемуся с «хорошими манерами» или, вернее, с тем, что он под этим подразумевает. Каждый жест Хлестакова преувеличенно «светский» и от этого смешон и неуклюж.

Хлестаков Борзунова инфантилен, глуп, капризен, самоуверен. Легко поддающийся на авантюру герой Борзунова сам бы никогда не стал ее зачинщиком. Он только подыгрывает городничему и его компании и искренне увлекается этой игрой в «значительное ли-

К СМОТРУ
МОЛОДЫХ

ЗАВЕТНАЯ РОЛЬ

цо». Классическую сцену вранья он проводит азартно, мастерски. Врет он не оттого, что от природы лгун, а чтобы не разочаровать тех, кто его принял за режизора. И чем больше ему верят, чем больших откровений ждут от него, тем врет он все увлеченнее и легче. Его вранье — не мечта ущемленного человека, как часто трактуется эта сцена, а подогретая фантазия, та самая «легкость мысли» необыкновенная».

Взятки Хлестаков тоже берет скорее в азарте игры, а не от чрезмерной жадности. Он как бы потакает дающим в их намерениях.

Борзунов наделен хорошим чувством вкуса и меры, любой найденный комедийный прием используется им исчерпывающе. Но не настолько, чтобы стать навязчивым. Борзунов подошел к роли с интересом, творчески.

И это только усилило желание продолжать с ним разговор после спектакля о смотре работы театра с театральной молодежью. Говорил Борзунов увлеченно:

— Театральная молодежь — это живые побегии театра. Только их надо заботливо и терпеливо выхаживать. Но молодежные, в

широком понимании этого слова, спектакли все-таки редкость. А ведь они могли бы определить художественные искания молодых.

Смотр должен «разогреть» инициативу, помочь преодолеть, чего греха таить, встречающуюся инертность театральной молодежи, пробудить в ней жажду творчества и высокого профессионализма, которым она еще не обладает.

И трудно не согласиться с Борзуновым, когда он говорит о недостаточном профессионализме наших молодых актеров. Необходимость требует — при театрах нужны творческие лаборатории, они открыли бы дорогу пробам, экспериментам, в них актеры смогли бы реализовать свои заветные роли. Страх неудач там не будет препятствием.

Театральные вузы, несомненно, дают хорошую подготовку. Но эта подготовка только фундамент; знание актерской техники — владение своей пластикой, голосом, умение найти нужный ритм роли, ее характерные краски — весь этот настоящий профессионализм актер осваивает уже в театре.

Создание творческих лабораторий при театрах, конечно, нельзя считать решением всех проблем, но они бы помогли театральной молодежи полностью раскрыть себя, утолить жажду поиска — в ожидании роли, которую им предложит театр. Может быть, она будет такой же счастливой, как роль Алексея Борзунова в «Ревизоре»

П. КУЗЬМЕНКО,

30 АПР 1975

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

У. МОСКВА